

И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер

КОНФЛИКТНЫЙ ТЕКСТ В УСТНОЙ И ВИРТУАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается специфика формирования конфликтного текста в его дискурсивной обусловленности. Исследуется конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации. Выявляется специфика конфликтного текста повседневности, определяемая отсутствием институциональных ограничений. Дифференцируются особенности устного и виртуального конфликтного текстопорождения в зависимости от физической представленности / непредставленности участников конфликта, синхронностью / асинхронностью хронотопа, наличием / отсутствием технической опосредованности общения.

Ключевые слова: конфликтный текст; дискурсы повседневности; устная и виртуальная коммуникация; дискурсивная обусловленность конфликтного текстопорождения.

Проблема конфликта как жизненного феномена стоит на оси пересечения различных социопрагматических интересов. Его актуальность и внутренняя многопараметральность определяет многообразие подходов к его анализу, проводимому в самых различных научных областях: общей конфликтологии [1, 2 и др.], культурологии [3 и др.], социологии [4, 5 и др.], психологии [6 и др.], с точки зрения социально-правового подхода [7 и др.] и др.

В данной работе мы рассматриваем конфликт с точки зрения лингвистики. Лингвистическое исследование конфликта – молодая исследовательская область. Ее основы в лингвистике только закладываются. Первые результаты исследования конфликта с лингвистических позиций отражены в работах Н.А. Белоус [8; 9], Н.Д. Голева и Н.Б. Лебедевой [10–12 и др.], Б.Ю. Городецкого, И.М. Кобозевой, И.Г. Сабуровой [13], В.С. Третьяковой [14–16], К.Ф. Седова [17] и др.

Специфика конфликтного текста в интернет-коммуникации – область практически не исследованная. В качестве одной из немногих работ можно назвать исследование О.Ю. Усачевой «Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов)» [18].

В центре данного исследования – дискурсивная обусловленность формирования конфликтного текста, специфика реализации речевого воплощения конфликтной коммуникации в повседневном устном и виртуальном дискурсах.

Цель данной статьи – сопоставить способы речевой реализации конфликта в устном и виртуальном дискурсах как дискурсивных сферах повседневности.

Исследование выполнено на материале аудиозаписей устной речи, зафиксированных в рамках студенческих учебных практик (2005–2012 гг.), опубликованных сборников устной речи [19–21], Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (www.ruscorpora.ru), а также текстов виртуальной коммуникации, обнаруженных на тематических и нетематических форумах и блог-платформах (<http://www.max-club.ru>, <http://netchat.ru>, <http://www.adv.ru>, <http://gorodokk.ru>, <http://9.linbeauty.ru>, <http://blogonika.ru>, <http://forum.hayastan.com> и др.).

Термин «конфликт» определяется нами в соответствии с социологической традицией: «столкновение двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия» [2].

Лингвистический анализ конфликта эксплицирует его коммуникативную доминанту. Для такого анализа

значим подход к конфликту как системному объекту, обладающему определенной структурой: 1) объект и предмет конфликта, 2) участники (стороны) конфликта, 3) социальная среда, условия конфликта [1].

Речевое выражение конфликта определяется как «конфликтный текст» – текст, реализующий социально-психологическую ситуацию конфликта, т.е. ситуацию столкновения двух и более разнонаправленных сил с целью реализации их интересов в условиях взаимодействия. В соответствии с данным пониманием конфликтного текста из обозначенных выше материалов нами были выбраны речевые фрагменты диалогического характера, вербально оформляющие обозначенную психологическую ситуацию конфликта.

При анализе специфики формирования конфликтного текста в повседневном дискурсе приведенная выше структура конфликта (объект конфликта, предмет конфликта, участники (стороны) конфликта, социальная среда, условия конфликта) была рассмотрена с учетом дискурсивной специфики его реализации, определяющей способы его речевого оформления.

Устное повседневное конфликтное общение характеризуется физической представленностью участников общения, синхронностью хронотопа, определяющих значимость социально-ролевых факторов при формировании конфликтного текста (гендерных, возрастных, социально-статусных и др.).

Виртуальная реализация повседневного дискурса демонстрирует определенную специфику, обусловленную внешними условиями ее организации. О.Ю. Усачева относит к числу конфликтогенных факторов виртуального общения «фактор опосредованности коммуникации, подразумевающий ряд других конститутивных характеристик, таких как анонимность и безопасность речевых партнеров (вследствие их физической непредставленности), преобладающая равнозначность и неинституциональность общения и др., которые в той или иной мере способствуют снятию целого ряда социокультурных и психологических ограничений, обычно налагаемых на речевое поведение в несетевой коммуникации в целях снижения агрессии и предотвращения речекоммуникативного конфликта» [18].

Кроме того, это специфика технической организации виртуального общения, заданная свойствами интерфейса и проявленная в формальной фиксации тематической структуры форума, возможности использования мультимедиа и т.д. Виртуальное общение предпо-

лагает особую, «устно-письменную», форму представления текста. Письменная фиксация конфликтной коммуникации позволяет каждому ее участнику неоднократно проследить ход развития конфликта и хотя бы в редуцированном варианте отрефлексировать свою будущую реплику, а технические возможности позволяют сохранять предыдущий текст и цитировать его в рамках конфликтного обсуждения. Цитирование активно провоцируется наличием технических возможностей для его реализации в интерфейсе форума, а также правилами форумов, поддерживающих данное средство общения. Еще одной особенностью является визуализация паравербальных средств коммуникации – наличие бурных эмоций в рамках реального конфликта фиксируется с помощью соответствующих смайлов, крупный шрифт письменного текста осознается как крик, подчеркивание и жирный шрифт – как формы интонационной разметки.

Рассмотрим, каким образом специфика обозначенных структурных элементов конфликта в определенной дискурсивной области влияет на формирование конфликтного текста.

1. Объект и предмет конфликта в дискурсах повседневности.

Отсутствие институциональных ограничений в повседневных дискурсах определяет максимальную широту спектра конкретизации таких структурных элементов конфликта, как его объект и предмет. К конфликтному обсуждению могут привлекаться как личностные, так и социально значимые объекты. При этом на уровне предмета конфликта социально значимые объекты чаще всего осмысляются в личностном аспекте ([1] *У нас всегда все так в России! Реутся к власти, чтобы карманы набить, потом набьют карманы, а народ виноват!* [2] *А ты прямо много знаешь!* [1] *Я – знаю! Я и в колхозе поработал, и в городе!* [2] *Это потому что Россия для тебя чужая: немец ты – и есть немец!*).

Виртуальная коммуникация может быть ограничена в выборе объекта и предмета конфликтного обсуждения за счет заданности тематики данного форума / подфорума и веток обсуждения, а также правил форума, включающих требование соответствия теме. Так, в рамках темы форума «Кому место в автобусе уступать?» перефокусировка предмета конфликта на смежную проблематику, связанную с условиями оплаты проезда детей, оценивается как «отступление от темы» (= «флуд»): *Я больше скажу, даже если ребенок сидел самостоятельно, мы с ним входили на одну половину сиденья, вторая оставалась свободной. Чо разваливаться-то. И это, хорош флудить!* Кроме того, в виртуальном общении на уровне правил закрепляется запрет на нарушение норм кооперативного диалоговедения, связанного со смещением внешнего по отношению к коммуникантам предмета конфликта в сторону оценки личностей коммуникантов (= «переход на личности»). В результате предмет конфликта становится двойным: 1) оценка личности собеседника; 2) Оценка коммуникантами самого «перехода на личности». Так, при обсуждении поста «*К вопросу о героях*» не сошедшие во мнении об истинном и ложном героизме участники обмениваются репликами, демонстрирующими не оценку мнения собе-

седника, а оценку его личности: *[fulinka] Повесить бы тебя, ас, на фонарном столбе. / [ac] дура набитая, прости Господи... / [annka] Достали, на личности переходить прекращайте.*

Повседневный дискурс характеризуется широкой палитрой локальных целей.

Конфликты в реальном повседневном общении возникают при реализации целей, как связанных с изменением окружающей действительности (направленных на достижение некоторого практического результата), так и направленных на доказательство несостоятельности мнения собеседника («конфликт мнений»). В реальном повседневном общении одинаково частотны как конфликты, ориентированные на достижение практического результата (*[Дочь, жен., 16] Мама / можно я пойду погулять сегодня? [Мать, жен., 40] Ты же мне обещала помочь? [Дочь, жен., 16] А я завтра помогу... [Мать, жен., 40] Нет / лучше сегодня **помоги** / а завтра пойдешь гулять!* (НКРЯ)), так и на доказательство несостоятельности мнения партнера (*[№ 10, муж., 23] Ну / я бы / допустим / если бы и знал / пошел / я так просто говорю. Чем выше / тем чаще на слуху рейтинг. И как бы люди все про одно слышат / слышат / и всё / им становится как бы не интересно / как бы идут за сильнейшим / за высоким. [№ 1, жен., 44] А я / повольте / **не соглашусь с вами**. Хоть бы половина человечества проголосовала за Жириновского / я бы за него голосовать не пошла. Пускай у него будет очень высокий рейтинг / никогда в жизни не пошла бы. [№ 10, муж., 23] Я не говорю конкретно о личности / я говорю вообще (НКРЯ).*

В виртуальной коммуникации абсолютное лидерство имеет конфликт мнений, эксплицируя преимущественно ситуационный характер данного дискурса (*[андрюха сиротка] напишешь заявку на негра-сядешь за расизм?)) может так?)) [abc] Фу, как не политкорректно. Слово «негр», как утверждают американцы, большие мультикультурностью, отдаст расизмом. Нужно употребили! слово «афророссиянин»).*

Тематическая структура конфликтных текстов устных повседневных дискурсов и виртуальной коммуникации не различается, демонстрируя отношения прямой корреляции с объектом и предметом отражаемого конфликта. Все тематические зоны повседневного дискурса в исследуемом аспекте делятся на два типа: (1) объекты обсуждения приобретают личностно-ориентированную конфигурацию (семейные отношения, личностные свойства человека, внешность и т.д.), в связи с чем предмет конфликта оформляется как личностно значимый, и (2) объекты обсуждения приобретают социально обусловленную конфигурацию (политические события, события в жизни территориального образования, наука, культура, образование и др.), в связи с чем предмет конфликта оформляется как социально значимый. Так как устное конфликтное общение предполагает непосредственное (физическое) взаимодействие конфликтующих, конфликты, связанные с изменением окружающей действительности, чаще обсуждаются в личностном аспекте, что отражается в использовании тактик оскорбления, угрозы и т.д., предполагают выраженное эмоциональное оформление, при их реализации активно используются речевые формы, указывающие на физическую реаль-

ность конфликтных действий (*Не смотри на меня так!; Рот закрой!; Ты ручонками-то не маши!* и т.д.): [Семен, муж., 15] **Не ори! Иду уже!** [Ольга, жен., 19] **Идиот!** [Семен, муж., 15] **Сама дура!** [Разговор сестры и брата // Из коллекции Ульяновского университета, 2007] (НКРЯ).

При обращении к объектам социального характера конфликтное обсуждение в устном и виртуальном общении практически не различается. Конфликтная опозиция участников организована сложнее: объектом оценки для участников конфликта оказываются представители «третьей силы» (политики, авторы реформы образования, организаторы культурных мероприятий и т.д.), и в процессе развития конфликта мнения конфликтующих о них либо расходятся, либо «третья сила» оценивается участниками общения одинаково негативно. «Переход на личности» в этом случае фиксируется крайне редко: **Ремю** что тут можно сказать? только как обычно. урод моральный. как и путин. который не переделает законы чтоб штрафовали за это на пару лямов! **diamant11** Девочке скорейшего выздоровления, а уроду небо в клетку **uld4m** понакупят машин, а потом людей сбивают! **за рулем должны быть только профессионалы, которые одну только теорию несколько лет учили, совмещая её с практикой.** В данном примере коммуниканты выражено демонстрируют единство мнения по поводу обсуждаемого объекта. Обсуждение реализует единый оценочный вектор, что определяется внутренними свойствами объекта конфликта. Оценка «третьей силы» реализуется с позиции социальной нормы, о чем свидетельствует финальная часть приведенного текста.

Специфика организации конфликтных высказываний в виртуальной коммуникации заключается в том, что их тематическое структурирование может поддерживаться интерфейсом. Конфликты здесь могут как возникать спонтанно – по типу реального общения, – так и оформляться автором в виде отдельной темы («Ошибки врачей», «Где нас травят – в Ламе или в Метро», «Депрессивное творчество оригинально» и др.). В последнем случае сама формулировка темы уже предполагает осознанную установку на ее обсуждение, оказывается конфликтогенной. При этом формулировка темы вербализует не только объект, но и предмет обсуждения, и конфликтный текст выстраивается с ориентацией на него. Сами формулировки тем реализуют предмет конфликта с различной степенью обобщенности. В результате мнение автора темы (= топикстартера) предстает также с различной степенью конкретности. Так, тема «Ошибки врачей» предполагает однозначную оценочную позицию (что выражается в семантике слова *ошибки* в его столкновении с социально значимым позитивнооценочным семантическим компонентом лексемы *врачей*). Выбор конфликтных сценариев в процессе обсуждения крайне ограничен (согласие либо опровержение позиции автора). Тема «Где нас травят – в Ламе или в Метро?» выстраивает оценочную позицию менее однозначно: варианты построения логики конфликтного сценария распределяются между противниками автора и его сторонниками, которые, в свою очередь, дифференцируются в плане оценки обсуждаемых объектов. Лексема *травят*

оформляет оценочный аспект обсуждения, предполагая однозначность оценки. При этом вопросительная конструкция, а также синтаксическая противопоставленность обсуждаемых объектов обеспечивают вариативность позиций.

Рассмотрим пример текстового оформления конфликта в рамках специально созданной темы «*Как страшно попасть в детскую больницу*». Формулировка темы предполагает вариативность как ролевых позиций участников конфликта, так и развития конфликтного сценария. Ролевая структура может выстраиваться в виде дискурсивно заданных отношений как между врачами и пациентами, так и между не связанными институциональными отношениями участниками коммуникации (косвенно реализующими отношения «пациент – пациент»). Сценарий конфликта в первом случае («врач – пациент») строится на взаимодействии институциональных и индивидуально-личностных компонентов (институциональные ролевые позиции сочетаются с индивидуально-личностным конфликтным импульсом). При этом ведущими стратегиями являются индивидуально-личностные, так как интенции, задаваемые форумом как сферой неинституционального общения, в данном случае побеждают: [марфа] *А мать болеющего ребенка должна с лечащим доктором сотрудничать. Это основное. Если при этом они друг на друга рывкнут, ничего страшного. Важен «сухой остаток». Твое описание истерики странно, это не истерика. Истерика – вещь эндогенная, она не привязывается к реальной ситуации. Вот там где-то вверху был вопль: «Все детские больницы – дерьмо!» Вот это – настоящая истерика. Хотя бы потому, что детские больницы у нас разные и одинаковым дерьмом быть из-за этого не могут. [Гелечка] а Вы допускаете что и врачи тоже разные? и не всегда хорошие... и лечение бывает неправильным и уже как следствие истерика матери, а то какое-то одностороннее обсуждение «несчастливых и неадекватных» матерей в «отличных» больницах и поликлиниках.* В самой формулировке темы задан источник конфликта, его стартовый оценочный полюс (*Как страшно...*). Общая ценность «здоровье ребенка» уходит на периферию, при этом в фокусе внимания оказываются интересы двух оформленных в социальном контексте групп. Конфликтному обсуждению подвергается не только ядерный объект, но и способ оформления мнения сторон (что является характерной чертой виртуальной коммуникации). В реплике врача ([марфа]) особым образом сочетаются институциональный и индивидуально-личностный характер занимаемых позиций: с одной стороны, коммуникант обозначает принципиальные для успешного лечения установки (*должна с лечащим доктором сотрудничать // Важен «сухой остаток»*), с другой – определяет свою личностную позицию по отношению к собеседнику (которая, например, проявляется в формулировании прямых характеристик его поведения: *воплъ, настоящая истерика* и др.).

Во втором случае («пациент – пациент») в конфликт вступают институционально не ангажированные коммуниканты, при этом институциональный статус сохраняет объект конфликта (детская больница), в адрес которого и направлен основной оценочный вектор:

[The BEST] ...Нас отправили по скорой в инфекцию, где нас положили туда, где всякие разные инфекции! Уж про питание и кровати, где один не уснешь, не то что вдвоем, я молчу! Кто сталкивался, отзовитесь... Ведь это не первый и не последний раз... [Lea] инфекционка, она потому и инфекционка, что там инфекции. А комфортно вам только дома будет, привыкайте к реальной жизни «это армия, сынок!» (с). В реплике инициатора конфликта использование глаголов прошедшего времени с семантикой физической деятельности при описании институционально значимых действий (положили, отправили) определяет социальный институт (в данном случае – больницу) как некоторую враждебную для пациента силу, не допускающую сопротивления. Кроме того, использование призыва демонстрирует интенцию консолидации конфликтной группы и формирует потенциал перехода личностной интенции в институциональную. В ответной реплике конфликтная категория в отношении институционального объекта нейтрализуется (инфекционка, она потому и инфекционка, что там инфекции), призыв к поддержке «бывалых» получает в ответ другую, не запланированную инициатором конфликта, реакцию, связанную с негативной оценкой конфликтной личностной интенции (комфортно вам только дома будет, привыкайте к реальной жизни).

Таким образом, множественность локальных целей повседневной коммуникации, свобода от институциональных правил определяют разнообразие конфликтных сценариев и их текстового воплощения. Различия в устном и виртуальном конфликтном повседневном общении задаются в первую очередь спецификой физической представленности / непредставленности участников общения, а также техническими особенностями виртуального общения.

2. Участники конфликта в дискурсах повседневности.

Свобода от институциональных правил формирования общностей в повседневных дискурсах (как реальном, так и виртуальном) также оказывается значимой для формирования конфликтного текста.

Тип общности участников дискурса, в рамках которого формируется конфликтный текст, оказывает влияние на объект конфликта и психологические установки его реализации, что, в свою очередь, отражается в конфликтном тексте. Устное повседневное общение предполагает как доминантно-интерперсональные, так и доминантно-ситуативные (по И.В. Силантьеву) общности участников [22]. В доминантно-интерперсональных общностях объект конфликта может быть как единичным, так и сквозным – повторяющимся от ситуации к ситуации (одни и те же индивидуальные ценностные установки членов стабильной группы могут сталкиваться регулярно; конфликт может носить продолжающийся характер, а оформляющий его текст – апеллировать к предыдущим и будущим ситуациям). И в том и в другом случае одним из свойств подобного текста может являться наличие клишированных форм речевого оформления конфликта, определяемых не объектом конфликта, а внутренней структурной организацией данной группы, а точнее – выработанными ею «правилами ведения конфликта»: Опять?! Опять?! Что в лоб – что по лбу: все как всегда! // Вот когда купишь ее

и попробуешь этой лабудой попользоваться – вот тогда придешь и расскажешь, и мы с тобой по-другому поговорим! Доминантно-ситуативные общности реального общения предполагают ситуативность объекта конфликта. Каждый участник конфликта входит в него со своими конфликтными сценариями и клишированными формами вербализации – в том числе. Клишированные формы в конфликтном тексте выполняют в этом случае особую функцию, связанную с трансляцией общепринятых конфликтных социальных установок, характерных не только для стабильной группы, но и для общества в целом ([в поезде] А нельзя еще громче музыку сделать?! Вы же не дома! Тут дети маленькие!).

Установки на внеинституциональное единение, предполагающие подвижность внутригрупповой иерархии и необходимость постоянного уточнения участником дискурса собственной позиции в мини-группе, оказываются потенциально конфликтными. Особенно ярко это проявляется в доминантно-ситуативных общностях. Ситуативность характера формирования мини-группы, потенциально хаотичной по составу, определяет то, что любой внешний импульс может спровоцировать деятельность, направленную на выстраивание внутригрупповой иерархии: [Разговор в маршрутке][пассажир-1] Молодой человек, может, пихаться-то не будем? [пассажир-2] Не нравится – на такси ездите! Мне что – по воздуху летать? [пассажир-1] Молодой – летаешь! (РРТ).

Виртуальная коммуникация формирует общности особого типа. Их характер, с одной стороны, является доминантно-ситуативным в силу анонимности участников. При этом на форумах нередко формируется некоторый постоянный костяк участников, опознаваемых по никам, сам процесс вступления которых в коммуникацию сопровождается определенной презумпцией отношения к ним других участников. Таким образом, формируются признаки доминантно-интерперсональных отношений: [бомж] вот кто минусит подобные посты? что вам не нравится? /.../ [Звездный ветер]отрабатывают свои сребреники / [Ирина] Как кто? Их позорные ники известны. Наличие «знакомых» ников не мешает выстраивать участникам виртуального общения конфликтные отношения по особой модели, определяемой специфическими – по сравнению с реальным общением – психологическими установками, связанными с отсутствием физически представленного «партнера по конфликту».

Относительно конфликтности каждый участник приобретает дополнительную редко вербализуемую, но осознаваемую партнерами по общению характеристику: агрессивный (<http://sadman.gorod.tomsk.ru/users/user.php?id=15282> Мавка 16 сентября 2011 г. 18:08# Андрюша, ты как всегда поражаешь меня своей адекватностью. Лечиться не пробовал? // Мавка 16 сентября 2011 г. 18:24# Да. Еще вопросы будут?), обиженный (svetlana288 Я вот не собираюсь никого убеждать, могу поделиться собственным опытом, как родителя этой школы, опытом моего ребенка в вальдорфском классе. Хочется конструктивного обсуждения, а не просто «школа плохая, потому что другая, и я не понимаю, как она может быть хоро-

шей» ключевые слова в таком отношении **я не понимаю**), «парламентер» (**Катерина** Девочки, право имеют обе позиции, потому что мы все хотим добра нашим детям, а истина всегда посередине) и др. Эта характеристика в виртуальной коммуникации (в отличие от реальной) оказывается, во-первых, более стабильной для каждого участника и, во-вторых, более выпукло оформленной. Это связано с игровой, искусственной природой виртуальной роли-маски, ее принципиальной личностной редукцией, осознаваемой как самим участником, так и его партнерами.

Конфликтные «маски» виртуальной коммуникации («лидер» и «ведомый», «авторитет» – «бывалый» – и «новичок») в основном не отличаются от реальной. При этом большую, чем в реальной повседневной коммуникации, значимость имеют роли «provokatora» и «судьи». Так, «provokator» часто является инициатором конфликтного диалога: *Местный афтар, всё не успокоится)) вы в следующий раз про вооруженные силы Зимбабве напишите, очень интересно П.С. по... на амеровскую армию, если в нашей такое творится...* В приведенном тексте provokator использует агрессивные стратегии, а также стратегии уклонения от темы и перехода на личности, тем самым провоцируя конфликт.

Специфика формы виртуальной реализации повседневного дискурса заключается также и в осознанном отношении постоянных посетителей конкретного форума к его ролевой структуре, в том числе к ролевой структуре конфликтной коммуникации: *Польза [об одном из постоянных посетителей форума] не обольщайтесь. она во всех темах пишет в таком же стиле - "все про всех знаю, знакомые рассказывали, а вот мои дети..." ну и далее по тексту.*

3. Социальная среда, условия конфликта в дискурсах повседневности.

Порождение текстов нередко оказывается в прямой зависимости от локуса и времени их порождения. Так, конфликт с близким человеком в официальных и «домашних» условиях определяется различными факторами внешнего контроля, связанного с различным уровнем влияния внешней среды.

В виртуальной коммуникации локально-временная зависимость ослабевает. Коммуниканты анонимны, не заинтересованы в кооперации, в силу условий общения не способны в процессе конфликта повлиять на окружающую действительность «здесь и сейчас». Подобные условия общения определяют ориентацию конфликтной коммуникации не на конфликт действий, а на конфликт мнений.

В плане психологических условий общения порождение конфликтного текста в повседневном дискурсе демонстрирует определенную специфику. Ведущей является установка на равенство собеседников. Ее следствием, прежде всего, является максимальная широта используемых конфликтных стратегий и – что проявлено особо ярко – тактик их воплощения. В повседневном дискурсе, свободном от институциональных дискурсивных правил, конфликтный текст допускает использование самого широкого спектра оценочной лексики, риторических вопросов и восклицаний и др.

Особо яркое проявление установки на равенство участников повседневной конфликтной коммуникации

демонстрирует виртуальная коммуникация. В ее рамках нивелируются даже внешние признаки иерархии: возрастные, гендерные и др. Отсутствие прямого контакта между собеседниками, установка на «надевание масок» усиливает провокационность поведения участников конфликта, нейтрализуя установку на кооперацию: *[Йа_Фейа] Чтоп ты обосралась, казанправорульная на белом платце. Лезет на встречу, когда там большой поток машин идет, причем камазов, да еще подрезает всех. Крыса земляная. Неслась как при диарее сильнейшей, даже номер не запомнила, а то бы озвучила [Scorpio] Йа_Фейа, Ты, как всегда, милашка.*

Подведем итоги.

1. Текстовое оформление конфликта дискурсивно обусловлено. Его специфика может быть обнаружена на основании анализа дискурсивного наполнения структурных элементов конфликта как системного явления.

2. Свобода от институциональных правил определяет особенности формирования конфликтного текста в дискурсах повседневности. Ценности повседневного дискурса, ориентированные на внеинституциональное единение и осознание участниками дискурса личностной позиции в мини-группе, в определенном смысле оказываются конфликтными. Ведущей в повседневном дискурсе является установка на отношения равенства собеседников.

3. С одной стороны, реальная и виртуальная коммуникация демонстрируют выраженную общность в логике формирования конфликтного текста. С другой стороны, виртуальная коммуникация имеет определенную специфику, проявляющуюся в следующем.

3.1. Важный в рассматриваемом аспекте фактор – техническая фиксация конфликтной коммуникации при виртуальной реализации повседневного дискурса позволяет каждому ее участнику неоднократно проследить ход развития конфликта и хотя бы в редуцированном варианте отразить свою будущую реплику. Свойства интерфейса определяют особую роль цитирования в процессе текстового оформления конфликта, специфику эмоционального оформления конфликтного текста.

3.2. Если конфликты, возникающие в рамках интерперсональных общностей в реальной коммуникации, в большинстве возникают при реализации целей, связанных с изменением окружающей действительности, направленных на достижение некоторого практического результата (конфликт поведенческий), а цели, связанные с реализацией взглядов на проблемы, в большинстве порождают конфликты в рамках ситуационных дискурсов (конфликт мнений), то в виртуальной коммуникации абсолютное лидерство имеет конфликт мнений, эксплицируя ситуационный характер данного дискурса.

3.3. Не различаются в плане тематической структуры конфликтных текстов устные повседневные дискурсы и виртуальная коммуникация: их тематическая ориентация находится в прямой корреляции с объектом отражаемого конфликта. Специфика тематического выражения виртуальной коммуникации заключается в том, что конфликты здесь могут как возникать спонтанно – по типу реального общения, так и оформляться автором в виде отдельной темы.

3.4. Порождение текстов, демонстрирующих прямое отражение конфликта в повседневном дискурсе, нередко оказывается в прямой зависимости от локуса и времени их порождения. Виртуальная коммуникация такой зависимости не демонстрирует.

3.5. Ролевая структура конфликтных текстов повседневного дискурса «встраивается» в ролевую структуру конкретных ситуационных дискурсов по-

вседневности. В виртуальной коммуникации ролевая структура демонстрирует определенную специфику, связанную с внешними условиями интернет-общения. Специфика оформления конфликтного текста в виртуальном дискурсе определяется физической непредставленностью участников общения. Возникают особые дискурсивные роли – конфликтные «маски».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкая А.В. Конфликтология : курс лекций. М. : РУДН, 2004. 124 с.
2. Давлетчина С.Б. Конфликтология. Улан-Удэ : Издательство ВСГУ, 2005. 174 с.
3. Сафьянов В.И. Этика общения : учеб. пособие. М. : МГУП «Мир книги», 1998. 208 с.
4. Сперанский В.И. Основные виды конфликтов: проблемы классификации // Социально-политический журнал. 1995. № 4. С. 164–175.
5. Стеганцев А.В. Информационный конфликт – ключевой фактор эффективной коммуникации : материалы к докладу на Междунар. науч.-практич. конф. «Психологическое сопровождение профессионального образования». Челябинск, 2006. URL: http://www.stiogantsev.ru/stips_k_konflikt.html (дата обращения 12.11.2012).
6. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2008. 544 с.
7. Капустина А.Г. Информационные конфликты как социально-правовой феномен в современной России // Relga: Научно-культурологический журнал. 2010. № 15 URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2748&level1=main&level2=articles> (25.04.2013).
8. Белоус Н.А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 62. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-analiza-rechevogo-konfliktnogo-povedeniya> (11.06.2012).
9. Белоус Н.А. Фазовая характеристика конфликтного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2007. № 8. С. 64–77.
10. Голев Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 37–41.
11. Голев Н.Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах : сб. материалов науч.-практич. семинара. Москва, 7–8 декабря, 2002 г. М. : Галерея, 2003. Ч. 2. С. 64–73.
12. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и инвективные фреймы в рассказах В.М. Шукшина // Культура. Образование. Духовность : Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Бийского госпединститута. Бийск : НИЦ БиГПИ, 1999. Ч. 2. С. 109–112.
13. Городецкой Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 64–78.
14. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027\(03_14-2003\)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027(03_14-2003)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp) (17.10.11).
15. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
16. Третьякова В.С. Типовые языковые факторы порождения речевого конфликта // Исследования по русскому языку. Рязань, 2000. С. 24–28.
17. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов : Рос УНЦ «Колледж», 2003. С. 196–212.
18. Усачева О.Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов). URL: <http://www.dialog21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm> (дата обращения: 27.11.2010).
19. Русская разговорная речь. Тексты / автор-сост. Г.Г. Инфантова. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2006. 274 с.
20. Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капапалдзе. М. : Наука, 1978. 306 с.
21. Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
22. Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М. : Языки славян. культуры, 2006. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 октября 2013 г.